

Казимиру ди Абреу

ПЕРВОЦВЕТЫ

Поэзия Бразилии

Казимиру ди Абреу

Первоцветы. Поэзия Бразилии

«Издательские решения»

Казимиру ди Абреу

Первоцветы. Поэзия Бразилии / Казимиру ди Абреу —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504629-1

Любители поэзии получают немалое удовольствие от знакомства с неординарными стихотворениями бразильского поэта-романтика Казимиру ди Абреу, вошедшими в сборник «Первоцветы». Главная тема лирики — любовь. К родной Бразилии, к женщине, к природе, ко всему прекрасному, что есть в жизни, и что так тонко чувствует молодое сердце. Перевод стихов на русский язык выполнила Ана Шадринa-Перейра.

ISBN 978-5-00-504629-1

© Казимиру ди Абреу
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
А***	8
Я родился за морями	10
Моя земля	12
Тоска	16
Увядшая роза	17
Песнь изгнания	19
Моя мама	21
Голубка	22
Мои восемь лет	23
В альбом	25
У очага	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Первоцветы Поэзия Бразилии

Казимиру ди Абреу

Переводчик Ана Шадрина-Перейра

© Казимиру ди Абреу, 2020

© Ана Шадрина-Перейра, перевод, 2020

ISBN 978-5-0050-4629-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Это цветы моих вёсен, сломанные в тени кокосовых пальм.

Тейшейра ди Мело, «Sombras e sonhos»

Однажды я был далеко от моих товарищей по учёбе, я скучал по отчужденному дому и плакал. Был день. Сумерки опустились на гребень гор, и природа будто собиралась исполнить песнопение ночи, тени простирались по долине, и тишина превращалась в торжественный и печальный голос падающих водопадов. Был час полдника в нашем доме, и мне показалось, что я услышал отголосок детского смеха своей младшей сестры! У меня потекли слёзы, и я написал первые в своей жизни стихи, которые озаглавил «Às Ave-Marias» – тоска по прошлому была моей первой музой.

Эта песня была простой и естественной, как пение птиц, и, чтобы сохранить её, я пожертвовал бесполезными страницами, в которых не было даже невинного изящества этих прелюдий!

Затем, позже, на живописных берегах реки Доуру или в низинах реки Тежу, я тосковал по своему гнезду среди лесов и пел; ностальгия погасила мою жизнь, и увиденные равнины Минью не обладали величественной красотой сертанов.

Тогда я был полон энтузиазма и много писал, потому что это уводило меня в тень надежды, которой не суждено было сбыться. В час уныния я разорвал многие из этих страниц, исполненных искренности, и был готов просить бальзам для недавних сердечных ран у могилы; это первые жизненные иллюзии, которые раскрываются ночью и опадают утром, как ароматные цветы апельсиновых деревьев!

Цветы и звёзды, шёпот земли и тайны неба, невинные мечты и смех ребёнка – всё прекрасное и всё великое пришло в своё время, отразилось в волшебном зеркале моей души и запечатлело там свой мимолётный образ. Если в этой коллекции образов преобладает изящный профиль девушки, это объясняется легко: то была дочь неба, которая пришла сыграть на уснувшей лютне бедного сына сертана.

Радостная или печальная, эта книга была написана сама собой, естественно, без усилий, и песни приходили в зависимости от обстоятельств или мест, которые их пробуждали. Однажды полная папка бумаги воззвала ко мне с просьбой подарить ей какую-нибудь судьбу, и именно тогда я решил опубликовать Первоцветы. Потом я убрал многие мрачные песни и сохранил другие, которые составляют мою личную книгу, и после бесконечных капризных изменений смог узреть целый том и представить его сегодня без опасений и притязаний.

Все найдут там песни ребёнка, поэзию юноши и редкие проблески размышлений об учёбе: это сердце, которое распространяется на вечную тему любви и читает свою загадочную поэму при меланхолическом лунном свете наших ночей.

Мой Бог! Что должно быть написано в двадцать лет, когда душа ещё сохранила немного веры и детской чистоты? Я думаю, что всегда будет время стать серьёзным человеком и предпочесть медную монету странице Ламартина*.

Конечно, всё это эксперименты, молодость нетерпелива и в жажде, которая её поглощает, срывает ещё зелёные лавры и хочет преждевременно настроить струны инструмента, с которым умеют обращаться только зрелость и мастерство.

Сын тропиков должен писать на своём собственном языке – томном, как он сам, горячем, как солнце, что его обжигает, великом и таинственном, как его вековые леса; страстный поцелуй музыки должен вдохновить на эпопею, подобную As Timbiras*, и пробудить скучающее вдохновение от уныния, которое его убивает. До тех пор, пока следим за смелым полётом поэта,

создавшего поэму «I-Juca-Pirama»¹, мы, начинающие певцы, – лишь второстепенные голоса, которые теряются в великом оркестре: наша единственная заслуга в том, что мы не молчим.

Мои «Первоцветы» – не более чем букет сезонных цветов, только обещающих принести осенние плоды – цветов, которые завтра сломает ветер.

Рио, 20 августа 1859.

Казимиру ди Абреу

123

¹ *Ламартин (1790—1869) – прославленный французский поэт, стихи которого отличаются восхитительной мягкостью, красноречивым и глубоким лиризмом.

² *As Timbiras – эпическая поэма Антонио Гонсалвеса Диаса.

³ *Антонио Гонсалвес Диас, автор поэмы I-Juca-Pirama

А***

Я говорю с тобою, девушка мечты,
Видение златое, чистый ангел грёз;
Ты улыбаешься бессонными ночами
Из будущего в аромате нежных роз.

Ты вдохновляешь меня, муза тишины,
Цветок-мимоза томной ностальгии!
Желание, исполненное пылкостью моё
Помчалось за тобою в эти дни младые.

Ты появлялась тихо в грустные часы,
Склонялась робко над плечом поэта
И напевала мелодично тысячу кантиг*,
Покрытых ореолом тайны и секрета!

Из-за тебя я встал с улыбкою и песней,
Моряк любви, гребец изогнутого чёлна,
Чтоб рассекать под гимн своей надежды
Бушующего моря турмалиновые* волны.

Из-за тебя погнался я за громкой славой;
Из-за тебя в твоём сиянье ярком я сгорел;
Мечтал о светлой жизненной гармонии,
Венец из лавров и цветов носить хотел!

Ты, что была весталкой в золотой мечте
И ангелом-хранителем моих желаний,
Оставь распущенными локоны свои
И белоснежными покрой меня крылами!

Меня прозвали ледяным потомком галлов,
И сильный южный ветер сдул цветы мои!
Увы, увы мне – коль роса твоего смеха
Не оживит теперь сады моей любви!

Не забывай меня, прошу! Ведь моя грудь
Иллюзией и верой может лишь согреться!
Храни все песни и стихи безумца-сертанежу*
В алькове непорочном – в своём сердце.

Прочтёшь ты в моей книге оды детству,
Прочтёшь творения о нищего судьбе,
О вере, родине и ярких красках ночи,
Когда душа моя мечтает, муза, о тебе.

Если средь роз моих печальных «Вёсен»*
Найдёшь цветы, что от шипов обнажены;
Если когда-то буду лаврами увенчан,
Все лавры и цветы твоими быть должны!

4

56

7

⁴ *Кантига – средневековая португальская песня

⁵ *Сертанежу – житель сертана, бразильской засушливой степи.

⁶ *Турмалин Параиба – бразильский драгоценный камень красивого зелёно-голубого цвета.

⁷ *Название данной книги «As Primaveras» также переводится как «Вёсны».

Я родился за морями

Я родился за морями:
За лазурными волнами
Дом, где близкие мои живут.
Где поёт в месте укромном,
Прячась за листвою скромно,
Дрозд, чьи трели так влекут!

Какое небо и какая там земля
Щедрая... Прекрасные поля.
Какое небо ясное, какое синее!
Нектар цветов, свет яркий, сладость
Жизни источает всем на радость
Моя любимая Бразилия!

О! Сколько чувствую тоски
По тем горам, что далеки,
И по полям, что радовали глаз.
По небу словно из сапфира,
С которого сияют всему миру
Звёзды, озаряющие светом нас!

Земля изгнания мне не мила.
Как сын хороший, полон я тепла
К Отечеству, к своей родной стране.
Хочу на манговую землю,
Где мне служили пальмы сенью.
Теперь те пальмы вижу лишь во сне!

Подобно приручённой птице,
Что долго в воздухе кружится,
Спастись пытаюсь от ружья,
Живу вдали от своего гнезда.
Без ласки нахожусь теперь всегда.
Без ласки, без любви вся жизнь моя!

Напрасно озираюсь и ищу...
Лишь темнота вокруг. Грущу...
Я вижу темноту, и нет нигде огня!
Скучаю по свету отчего дома,
Ласковому, милому такому.
Милому и ласковому для меня!

Я далеко от Родины любимой,
Несчастный, бедный и гонимый.
И жизнь несчастна так же, как и я.

Я вспоминаю вечную весну...
Кто мне вернёт мою страну?
Кто мне вернёт мои края?

Моя земля

Все воспевают свою землю,
Я тоже буду петь свою.
Нежным звукам лиры внемля,
Как королеву Родину я воспую.

Я дам величие прекрасной
На этом троне красоты.
Рука природы не напрасно
Старалась, воплотив мечты.

Бегите, выбрав к югу курс,
Под синим небом есть идиллия —
Величественный Санта-Крус,
Сейчас известен как Бразилия.

Эта земля – земля любви,
Словно ковром покрытая цветами,
Где ветер говорит вам о любви
Прекрасными апрельскими деньками.

Так много красивого, много
На моей родной земле,
Что поэту не хватает слога,
Чтоб воспеть её в похвале!

Зачарованная земля —
Мимоза сказочного сада.
Весь мир завидует не зря —
Ей равных нет, и их не надо.

Нет, Бог её не осудил:
Средь многих – первая она.
Роскошными полями наградил,
И веерами пальм покрыл сполна.

Бабочка красивая порхает
Возле цветов, которые целует.
А ветерок шумит, не утихает,
И листья мангового дерева волнует.

Величественная моя страна
Принадлежит всецело Богу.
От Амазонки к реке Прата тянется она,
От Рио-Гранде до Пара её дорога.

Здесь есть хребты гигантских гор,
Здесь есть прекрасные зелёные леса,
Где постоянно раздаётся хор
Дроздов, что воспевают небеса.

Рядом с водопадом расцветая,
Где поток воды грохочет, бьётся,
Преклонила ветви сапукайя,
Устав от палящего солнца.

На земле, где красуются лилии —
Из перьев головной убор красивый.
Там тёплым вечером в Бразилии
Отдыхает индеец ленивый.

И там, порою, в другой раз
Под тенью кажазейру, когда жарко,
Под красными плодами звучал глас —
Пел песни бразильский Петрарка.

Красавица внимала, сидя рядом,
Скользя улыбкою своей.
Певца одаривала взглядом,
А он играл на лютне веселей.

Когда Дирсеу и Мариллия,
Наслаждались страстью нежной,
Целуясь в сказочной идиллии,
Мечты их были безмятежны.

В жарких джунглях с вдохновеньем
Дрозды подругам песни пели.
И с ветки апельсина ветра дуновеньем
Повсюду разносились ласковые трели.

Брег Ипиранги не был тогда пуст —
Стоял там принц бразильского народа.
В тот миг сорвался с августейших уст
Громкий крик свободы.

Сей глас везде отчётливо был слышен,
Он нёсся сквозь индейскую чуму,
От знатного дворца – к покою хижин,
От леса разносился по городу всему.

Люди поднялись, песню напевая,
Младые юноши и старики.
И, дети все одной земли, вставая,
Скрепили радость пожатием руки.

Прекрасно было видеть сей народ,
Что в новой славе распахнул объятия,
Как, преисполненный огня, поёт:
«Да, Португалия! Мы братья!»

Когда родился я, тот крик
Уже не слышала страна.
Но в горы эха глас проник
И говорил: вдали – война!

Не знаю, что я ощущал, свободный,
Когда ко мне те чувства снизошли.
Я повторял исполненное благородной
Смелости имя моей земли!

Если родился я бразильцем,
Бразильцем мне и умереть.
Сын тех лесов, подобно птице
Мечтаю на родное небо я смотреть.

Я плачу, мои очи полны слёз,
Я чувствую святую к Родине любовь.
Я плачу от несбыточности грёз,
Что никогда не воплотятся вновь.

Вздыхаю я и горько плачу
По тем полям, которые люблю.
Там листья манговых деревьев прячут
Птиц гатураму, что поют.

Сквозь реку полноводную
И через травянистый луг
Разносится песня свободная
С ветки гуавы и дальше вокруг.

Я хотел воспевать свою землю,
Но больше не может лира.
Другой сын гор мотиву внемлет,
Исполнив подобную песню для мира.

Изгнанник бедный и гонимый,
Купаюсь я в своих слезах.
Тоска по родине любимой
Вместо весёлой песни на устах.

Так много красивого, много
На родной моей земле,
Что поэту не хватит слога,

Чтоб воспеть её в похвале!

Эта земля – земля любви,
Словно ковром покрытая цветами,
Где шёпот ветра объявил:
«Ей равных нет под небесами!»

Тоска

В часы безжизненные мрачной ночи
Я размышляю в сладостном покое,
Когда мерцают ярко звёзды в небе,
А волны безмятежно спят на море.
Когда луна, прекрасная императрица,
От глаз людских не может скрыться
И, точно как высокомерная девица,
К воде одна спуститься хочет вскоре.

В эти часы спокойного молчанья,
Когда на улице становится темней,
Мне слушать нравится далёкий,
Полный тоски и боли прошлых дней,
Тот колокол со звоном ритуальным.
Звенит он очень одиноко и печально.
И этот звук тяжёлый, погребальный,
Наводит страх на множество людей.

Тогда, изгнанник бедный, одинокий,
Поведаю я эху, что таится гор среди,
Не скрою вздох тоски невыносимой,
Которая давно живёт в моей груди.
Все эти слёзы, эти горькие рыдания
Полны огромной боли и страданья.
Скучаю по любимым, их вниманью,
Скучаю по своей земле. Я здесь один!

Увядшая роза

Уж эта роза ярких красок не полна...
Когда-то поцелуями была усыпана она.
Эмблема любви стала бледной и скромной.
Как будто на пол лист оторванный упал
Из книги моей жизни. Весь закончился запал...
И грустная песня моя полна боли огромной!

Какие были времена! Всё помню хорошо...
В те дни давно уже ноябрь месяц шёл...
Я землю оставлял вдали свою родную,
Такую дорогую Родину. Нет, не ценил я дара.
Ах, как прекрасен мой залив Гуанабара!
Но ради Португалии покинул милую страну я.

В час расставания и в горький час разлуки,
Исполненной печали и душевной муки
Того, кто дом родной свой так любил...
Щека одной слезою лишь была орошена.
Я знаю, эта роза свыше мне была дана,
Свой первый поцелуй тогда ей подарил.

Покинул Родину, с которой мы близки
Так были, чтобы умереть здесь от тоски
В климате другом, на берегах чужих...
Но я молился Богу очень-очень горячо,
Невинный юноша, надежды озаряемый лучом,
Когда шумели волны, и прибой ещё не стих.

И сегодня, сегодня, мой Бог! По аллеям
Буду идти по направленью к мавзолеям,
На кладбище, чьи дни всегда печальны.
А яркий отражённый лунный свет
Покроет обнажённую скалу, не дав ответ
Мне, сохранив непознанные тайны.

Буду оплакивать я лилию поникшую свою.
Ветер сгубил её. Не встретит больше уж зарю
Она. Не разгадаю замысла Творца я, нет!
Я безутешно и сопровождаю слёзы лирой,
Смыкая брови, буду плакать по красивой
Девушке, что рано умерла во цвете лет!

Она была как ангел! А теперь печалью
Окутана, словно мистической вуалью.
Крылатый херувим, теперь уж в тишине

Она спит сном глубоким, безмятежным,
И, покидая этот мир так неизбежно,
Возможно, она вспоминала обо мне!

О! Эта роза ярких красок не полна.
Когда-то поцелуями была усыпана она,
Увы, теперь это давно уже не тайна!
В обмен на аромат твой, столь прекрасный,
Сколько тоски я испытал, несчастный,
И как все плачут по необычайной!

Песнь изгнания

Если я должен умереть во цвете лет,
Мой Бог! Ещё я не готов!
Хочу услышать в апельсиновых деревьях
Пение дроздов!

Мой Бог! Я чувствую, Ты видишь, умираю,
Вдыхая этот воздух незнакомый;
Позволь пожить, Господь! И дай мне снова
Радости дома родного!

В стране чужой больше красавиц,
Чем на любимой родине моей;
Но в мире нет дорожке поцелуев
Мамы, нет её милей!

Дай мне красивые места, где я играл
Во дворике среди детей;
Дай мне увидеть небо Родины далёкой,
Родной Бразилии моей!

Если я должен умереть во цвете лет,
Мой Бог! Ещё я не готов!
Хочу услышать в апельсиновых деревьях
Пение дроздов!

Хочу увидеть я родное своё небо
Цвета голубой волны;
И розовое облако узреть, что проплывает
С южной стороны.

Хочу уснуть в тени под кроной пальмы,
Её листья мне будут балдахином;
И посмотреть, поймаю ль бабочку-белянку,
Что прилетела в сад с долины.

Хочу сидеть на берегу ручья
Стремящимся к закату днём
И одиноко в сумерках мечтать
О будущем своём!

Если я должен умереть во цвете лет,
Мой Бог! Ещё я не готов!
Хочу услышать в апельсиновых деревьях
Пение дроздов!

Я умереть хочу среди ароматов,
В стране тропических ночей;
И, умирая, чувствовать гармонию
Любимой Родины моей!

Моя могила будет меж деревьев манго,
Её омоет лунный свет.
Довольный, буду спать спокойно
В тени жилища юных лет!

И будут громко плакать водопады,
Из-за того, что рано умер я.
Мечтаю спать в родной могиле,
Там, где цветёт моя земля!

Если я должен умереть во цвете лет,
Мой Бог! Ещё я не готов!
Хочу услышать в апельсиновых деревьях
Пение дроздов!

Моя мама

От прекрасной земли я далёк и тоскую,
Вздыхаю и плачу, в песнях боли не тая.
Храню в своей душе прекрасный образ,
Её святой любовью озарён всегда был я.
– Моя мама! —

В часы бессонных тихих ночей летних,
Закрыв лицо руками, когда рядом никого,
Вздыхая, плачу я по той, что говорила:
«О, дорогой сын сердца моего!»
– Моя мама! —

Кто украшал навес цветущими ветвями
Над колыбелью, где я спал, счастье храня?
И кто в сей колыбели с лаской и заботой,
Кто, песни напевая, нежно убаюкивал меня?
– Моя мама! —

Глубокой ночью, когда я давно уж спал,
Сны видел, ангелами с неба был храним,
Кто прикасался к моим сомкнутым губам
И лёгким осенял меня дыханием своим?
– Моя мама! —

Как счастлив сын, что может постоянно
В родимом доме днём и ночью, когда спит,
Почувствовать заботу ангела земного —
Сияющей звезды, что в жизни им руководит!
– Мама! —

Голубка

На моей земле, в лесу бескрайнем и тенистом,
Голубка грустная вздыхает;
Словно симпатий нежных воркованья,
Струятся мои песни, полные страданья,
И голос лиры не смолкает.

Голубка днём с печальным скорбным стоном
Садится у дороги, на виду;
Возможно, бедняжка в лесу потерялась,
В её воздыханиях грусть отзывалась,
Тоска по своему гнезду.

Я словно та голубка, и как пение протяжное её,
Печалью песнь моя влекома;
– Тропический цветок – в холодной я Европе
Томлюсь и утопаю в слёз своих потоке,
Тоскую по родному дому.

Голубка вздыхает на листьях сухих,
Тоски её песня полна;
Гимн грусти, страданию и сожалению,
Поэма любви, очень грустное пение,
Как сирота кричит она!

Потом... охотник, напевая, выстрелил в неё,
Нисколько не помедлив...
От пули роковой она упала лицом вниз,
А крик её предсмертный в воздухе повис,
Как вздох последний.

И, как охотник тот, скоро безжалостная смерть
Возьмёт меня с собой;
И, беззаботно уходящей жизни улыбаясь,
Пойду в могилу, слабым голосом прощаясь,
Смирившийся с судьбой.

И, мёртвая, уж не вздохнёт несчастная голубка
Возле дороги, на виду;
И, как голубка, я, далёкий от родного очага,
Уж не оплачу в своём пении бразильские луга
В тоске по своему гнезду!

Мои восемь лет

Как тоскую постоянно
Я по жизненной заре,
Детства дорогой поре,
Что уж больше не вернётся!
Вся любовь, мечты, цветы
В днях весёлых постоянно,
Я гулял в тени бананов,
Апельсины грело солнце!

Как прекрасны дни начала
Моего существования!
И невинности дыханье —
Словно аромат цветка!
Море – озеро безмолвно,
Небо – мантии богатой
Синева, а мир – как золото,
Жизнь любима и легка!

Что за зори, солнце, жизнь,
Вечеров красивых радость
И игры беспечной сладость
На прекраснейшем просторе!
Небо звёздами расшито,
А земля благоухает...
Там волна песок ласкает,
А луна целует море!

О дни солнечного детства!
О прекрасная весна!
Счастьем жизнь была полна,
И смеялся я с утра!
Вместо нынешней печали
Жил тогда я словно в сказке,
В маминой купался ласке,
Песни пела мне сестра!

Был свободным сыном гор
И всё время был доволен,
Босиком ходил я вволю
Возле водопадов шумных.
Распахнув свою рубашку,
Бегал, не жалея сил,
За полётом лёгких крыл
Ярких бабочек лазурных!

В эти дни благословенны
Собирал семье питангу,
Лазил по деревьям манго,
На берегу морском играл!
С верой пел Ave Maria,
Видом неба наслаждался,
Засыпая, улыбался,
Утро с песней я встречал!

Как тоскую постоянно
Я по жизненной заре,
Детства дорогой поре,
Что уж больше не вернётся!
Вся любовь, мечты, цветы
В днях весёлых постоянно,
Я гулял в тени бананов,
Апельсины грело солнце!

В альбом

В этих надушенных листках,
Душистой розы лепестках
Подруге напишу свои стихи я.
Если позволите, не спрячу
Я душу, что в печали плачет.
Тоска по Родине – моя стихия!

У очага

От родины вдали, под небом, мне чужим,
Где солнце никогда так ярко не пылает,
Я плакал от тоски, грустил по очагу, по дому,
Как птица без гнезда, что к вечеру вздыхает.

У моря – ночью – одинокий и печальный,
Смотрел я на огни, мерцающие в небе.
Я жаждал и безумствовал в мечтах своей души,
Играл на тех полях, куда попал мой жребий.

Была семья, жизнь, родина и многое другое...
Любовь и юность, слава... веру я не забывал.
И весь в слезах пришёл поцеловать я пляжи:
В изгнании несчастном плакал и страдал!

Вот моя родина – страна тропических цветов,
Я, словно блудный сын, вернулся в отчий дом.
Оставил позади изношенные, рваные одежды,
Коснулся прошлого, которым был влечом!

Вот мой очаг, мой дом, гнездо моих симпатий,
Земля, где был рождён я, и родной мой кров.
Пещера, тень и одиночество... спокойная река,
Где родилась моя любовь, взлетев до облаков.

Те самые поля, что в своём детстве я покинул,
Деревья новые... цветов здесь столько, столько!
О! Как же ты прекрасна, милая, бесценная земля,
– Прекрасная невеста в ожидании помолвки! —

Был здесь, был там... А за пределами страны
Сидел и плакал от тоски своей к исходу дня;
– Там вижу я тропинку, что ведёт к долине...
Там склон, который покорял так часто я!...

Наверно, пересох уже тот громкий водопад,
Где я купался в детстве, с ног валясь без сил...
– И сколько лет уже той апельсиновой роще,
Где птицу счастья саньясú* с азартом я ловил!

Я помню все подробности тех светлых дней!
Как можно позабыть о своей жизненной заре?
Я прикасаюсь к камню, к дереву, к листе...
Поведайте о детстве! О прекраснейшей поре!

Я возвращаюсь в юность, вспоминая детство,
И никогда не волновался так же, как сейчас.
Да, я отдал бы! О, Господь! Всю свою младость
Лишь за один день прежней жизни, без прикрас!

А дом? Все эти залы, эта мебель... остальное...
И на стене висящее распятие Христа...
Молитвенная комната, большой просторный зал,
Куда не заходил я, ведь меня пугала темнота!

А там... в углу... стоит родная колыбель!
И в ней моя сестра так мило, сладко спит!
Рассказывала мама тихо сказки мне, когда
Я плакал... и смеялся, целовал тепло её ланит.

О долгожданная весна! О дорогая моя мама!
Сестра, любимый ангел, тебя видел я во снах!
Придите на меня взглянуть – я на коленях —
Целую детства своего исчезнувшего прах!

Мой Бог! Я безутешно плакал в том изгнании!
Боль резала кинжалом, голос чувствовал ножи.
Что стоит наслаждение отвергнутого странника?
Душа моя рыдает, и погибнет вскоре жизнь!

Хочу любви! Хочу жить долго и прекрасно!
Господь! Ведь я не жил почти, а только спал!
И онемевшая душа моя сегодня воспарила,
Снимая траур в песнях, что наполнили весь зал!

Я ощущал такую жажду долгими ночами!
Так много поцелуев получал от пылких уст!
Но просыпался бледный, сирота своих видений,
Совсем один – был одр мой холоден и пуст!

Хочу любви! Хочу я жить! Здесь, в тишине,
В молчании и в голосе тропической природы;
Пусть будут песни моей жизненной весны
Прекрасными цветами, украшающими годы!

Хочу любви! Хочу я жить! Пылают мои губы,
Нуждаюсь в сладкой боли от глубоких чувств!
– Я осушу одним глотком страданий своих чашу
И смерть, живущую на дне, испробую на вкус.

Хочу любви! Хочу я жить! И девы зреть лицо,
Душа которой ангельская дарит мне любовь,
Смеётся, плачет и вздыхает, радостью сияет
И украшает жизнь мою коврами из цветов.

Хочу любви! Хочу любви! Пусть пальцы
Красивых рук коснутся нежно моего чела;
Хочу смотреть я на лицо прекрасной феи,
Способной сжечь меня от ревности дотла.

О небо синее моей земли, о чистая лазурь!
О солнце из огня, что, обжигая, пламенеет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.